УДК 316.342:008

ИНФОРМАЦИОННО-КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© **Наталья Александровна СТЕФАНОВСКАЯ**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор социологических наук,
доцент, зав. кафедрой библиотечно-информационных ресурсов,
e-mail: steflib@tsutmb.ru

Актуальность исследования связана с необходимостью изучения новых моделей стратификации, появившихся в информационном обществе. Цель исследования – выявление механизмов влияния государства на формирование системы информационно-культурной стратификации. Методы исследования – анализ публикаций, анкетный опрос населения Тамбовской области. Обосновано самостоятельное значение информационно-культурной стратификации и выделены два ее критерия: доступ к информационным ресурсам и качество их использования. Описаны основные механизмы, которые использует государство, формируя систему информационно-стратифицирующих факторов. К ним отнесены введение эталонов информационно-читательской деятельности, формирование круга рекомендованного чтения, организация библиотек, цензура, государственный заказ на издания. По результатам анкетного опроса населения Тамбовской области выделены страты: интернет-коммуникаторы, интернет-читатели, культурно-технологические традиционалисты, культурно-информационные изоляционисты. Описаны параметры их информационного поведения, обоснованы корреляции особенностей информационного поведения с уровнем образования и уровнем доходов. По итогам исследования сделан вывод о том, что стратификационные стратегии государства направлены на сохранение баланса информационно-культурных страт, поддерживающего стабильность общественной системы.

Ключевые слова: социальная стратификация; информационно-культурная стратификация; критерии стратификации; роль государства.

Исследования различных аспектов социальной стратификации традиционно выступают одним из ключевых направлений в социологии. Многочисленные стратификационные модели репрезентируют сложную многомерную структуру общества, выдвигая в качестве наиболее значимых критериев расслоения те или иные признаки социальной дифференциации. В постиндустриальных и информационных обществах, по мнению В.В. Радаева и О.И. Шкаратана, приобретает самостоятельное значение культурно-статусная стратификация. При этом ее отличие выражается в том, что «властной и собственнической стратификации, связанной со стремлением властных групп к исключительному обладанию властью и престижем, соответствует вертикальное соотношение социальных позиций», а «культурно-статусному порядку, смысл которого заключается в сохранении статусными группами своих разнородных (количественно несоизмеримых) ценностных представлений, адекватна неиерархическая модель» [1, с. 37].

Отсюда возникает проблема согласования иерархического и горизонтального измерений стратификации, связанная с тем, что,

например, группы с равными социально-экономическими характеристиками попадают на разные уровни по иным критериям. Н.П. Романова для описания этого феномена вводит понятие статусной «консистентности» – «неконсистентности» [2]. Консистентный статус предполагает, что все статусные позиции личности или группы совпадают по уровню. А статусная неконсистентность означает уровневую рассогласованность, примером которой, по мнению Н.П. Романовой, является положение российской научной интеллигенции – ее представители имеют высокий уровень образования, культуры и относительно низкий уровень доходов [2].

В рамках изучения культурно-статусной стратификации одной из актуальных проблем становится проблема информационного неравенства и роли государства в формировании системы информационно-стратифицирующих факторов [3].

Государство выступает регулятором доступа граждан к тем или иным ресурсам и резервам общества, в т. ч. информационным. По мнению исследователей, государство представляет собой самостоятельную систему стратификации, активную силу, упорядо-

чивающую социальные отношения, а не просто механизм, вмешивающийся и по возможности корректирующий структуру неравенства [1, с. 150]. По сути оно выстраивает ту или иную стратификационную стратегию.

Подобные стратегии, по мнению М. Фуко, могут реализовываться в различных пространствах, одним из которых становится пространство взаимоотношений индивидов в процессе производства знания и информации. Это отношения борьбы за истину, за режим производства дискурсов, которые считаются истинными (научными) или ложными, за правила определения истинности. Тем самым власть не только утилизирует, но и производит знание. Она циркулирует через цепные и сетевые сплетения социальных связей [1, с. 159].

Проведенные нами исследования позволили определить два основных критерия информационно-культурной стратификации. Объективным критерием выступает широко понимаемый доступ к информационным ресурсам, как традиционным, так и электронным. Субъективные аспекты стратификации выражает критерий качества использования этих ресурсов, воплощенный в уровне читательской и информационной культуры. Шкалы стратификации по этим критериям могут иметь не менее трех уровней градации: доступ к ресурсам – минимальный, ограниченный какими-либо параметрами, неограниченный; уровень читательской и информационной культуры – низкий, средний, высокий [4].

Рассмотрим, какие же механизмы может использовать государство, формируя систему информационно-стратифицирующих факторов.

Как мы уже упоминали, качественным критерием выступает уровень читательской и информационной культуры, характеризующий содержательную сторону и глубину освоения навыков информационно-читательской деятельности. При этом чтение мы трактуем как специфический вид духовной коммуникации, опосредованной текстом. Причем текст как коммуникативный посредник требует наличия у читателя определенных навыков и умений его интерпретации. Но современные индивиды все больше погружены в мир зрительных и звуковых образов медиакоммуникаций и постепенно утрачивают способности взаимодействия с миром текстов и их абстрактными значениями.

Регулирующая роль государства в этом аспекте выражается в том, что, с одной стороны, информационно-читательская деятельность стимулируется государством через систему образования, науки, искусства, а с другой стороны – блокируется этой же системой, вводящей определенные стандарты информационно-читательской деятельности (репертуарные, интерпретационные и т. п.). Государство и социум четко задают одобряемые внешние ориентиры, образцы, эталоны чтения, тем самым формируется система внешне заданных императивов – идеологических, социально-нормативных, рекламных.

В связи с этим представляет интерес анализ характера, качеств, содержания, эталонов чтения, его организация по различным основаниям (рекомендованное – нерекomenдованное, элитное – массовое и т. п.). На этом уровне государство способствует формированию системы групповых ценностей относительно информационно-читательской деятельности. Соответствующие образцы текстов и читательской деятельности дифференцированно распределяются и используются в различных слоях социума, формируя представления об общественной системе, ее нормах и правилах.

Из общего репертуара информационных ресурсов, накопленных культурой, государственной системой, выделяется и определяется круг «рекомендованного чтения», транслирующего социально одобряемые нормы и доминирующие идеологические установки. Этот круг формируется путем упорядочения, фильтрации и цензуры текстов как формальными структурами управления, так и через механизмы традиции, социальных и групповых стереотипов и общественной системы ценностей.

Цель «рекомендованного чтения» – предложить круг авторитетных авторов и текстов, обосновывающих и провоцирующих «правильный», выгодный социуму и государству групповой и индивидуальный выбор образцов поведения. Этот пласт чтения выполняет консервативную, стабилизирующую функцию, необходимую государству и обществу для сохранения его равновесности, управляемости.

Такое чтение становится элементом идеологии, оценка этой идеологически нагруженной литературы апеллирует к благому

и полезному, опирается на многовековые традиции «назидательной словесности – многообразной совокупности древних и новых форм практического утешения, спасения и поучения (житийных образцов, «зерцал» и «характеров», исповедей и проповедей, аллегорий и притч, книг примеров и советов)» [5, с. 16].

Государственные механизмы регулирования реализуются здесь в формировании стандартов и программ школьного обучения, включающих одобренные списки обязательного и дополнительного чтения; определении «официального» круга литературной классики; в организации и поддержке библиотек, финансируемых государственными структурами различного уровня, которые предлагают в общественное пользование отобранные по заданным критериям собрания текстов; в массовом тиражировании и пропаганде тех или иных книг и текстов.

Тем самым формируется и поддерживается страта «рейтер-читателей» и пользователей информации, которые ориентированы только на внешне заданные, официально одобренные образцы информационного и читательского поведения [6].

Иной по содержательным характеристикам выступает страта «информационных оппозиционеров», которые вопреки давлению макрофакторов ориентируются на критические, альтернативные или оппозиционные по отношению к рекомендованным идеи, взгляды, образцы поведения. Их, прежде всего, интересует «запрещенная», подпольная, «закрытая» литература и информация, т. н. «самиздат», отражающий общественное «брожение умов».

Читательская деятельность этой страты ломает социальные стереотипы, разрушает сложившуюся традицию. В периоды стабильного спокойного существования социума подобные тексты могут присутствовать в чтении ограниченного числа представителей людей как естественный фон, который не оказывает серьезного влияния на массовое сознание, поскольку возмущающее воздействие чтения нейтрализуется социальным благополучием социума. Но во время нарастания кризисных тенденций в социуме или государственной системе они могут представлять серьезную угрозу стабильности государства.

В условиях форсированного развития общественной системы, кардинальных социально-политических изменений, культурной революции эта страта несет особую ценностную нагрузку. В возникающем противостоянии между официальной пропагандой, разрешенным искусством и непризнанными писателями и художниками, выражающими оппозиционные взгляды, оказавшимися отлученными от публики, высланными в эмиграцию (как это было, например, в советской России или нацистской Германии), эта страта демонстрирует момент этического сопротивления эпохе [5, с. 38-39].

Еще одна выделяемая нами в культурно-статусном плане страта – «элитные читатели». Она может внутренне дифференцироваться на политическую, культурную, экономическую элиту, элиту СМИ, но тем не менее обладает общими ключевыми характеристиками, в т. ч. и неограниченным доступом к информационным ресурсам. Она выступает не только потребителем, но и в первую очередь создателем, производителем информационного ресурса.

Существование этой страты воспроизводит и поддерживает в каждом новом поколении изначальную традицию элитности чтения как сакрального «закрытого» знания, доступного избранным. Здесь чтение выступает символом коллективной идентичности элитной группы, символом власти, подчеркивает ее кастовость. Кроме этого, данная страта выполняет эталонные функции – образцового круга и качества чтения для всех членов социума. В рамках этой страты формируется круг авторитетных читателей, чье чтение служит образцом для подражания, к чьим интерпретациям текста прислушиваются и следуют им. В качестве механизмов трансляции таких образцов упомянем тиражирование высказываний о чтении и книгах политиков, литературных критиков, выдающихся ученых и писателей в форме сборников афоризмов и цитат; исследование состава личных библиотек и круга чтения общественных и политических деятелей.

В современных условиях качественные критерии информационно-культурной стратификации подразумевают также характеристику страт по уровню овладения теми или иными информационными стратегиями использования традиционных и электронных

информационных ресурсов. В этом аспекте проведенные нами эмпирические исследования позволили выделить такие слои, как:

- «интернет-коммуникаторы», приверженцы преимущественно видео- и аудио-электронных ресурсов и общения в социальных сетях;

- «интернет-читатели» – приверженцы электронных текстовых информационных ресурсов;

- «культурно-технологические традиционалисты», предпочитающие печатные источники информации и активную читательскую деятельность;

- «культурно-информационные изоляционисты», весьма ограниченно использующие как традиционные, так и электронные информационные ресурсы.

Эмпирический анализ информационно-культурных страт, проведенный нами в Тамбовской области, продемонстрировал наличие упомянутой выше статусной неконсистентности, в частности, при сопоставлении системы экономической и культурно-информационной стратификации.

Всего в нашем исследовании приняли участие 384 респондента из районов Тамбовской области, в т. ч. 77 % женщин и 23 % мужчин. Среди респондентов примерно в равной пропорции (19–24 %) были представлены 5 возрастных категорий 16–20 лет, 21–30 лет, 31–40 лет, 41–50 лет, старше 50 лет. Образовательный ценз респондентов: высшее образование – 48 %; среднее профессиональное – 28 %, среднее (неоконченное среднее) – 24 %. По роду занятий основная масса относится к служащим, студентам или учащимся, рабочим. По сфере деятельности в число опрошенных попали представители системы образования, культуры и искусства, сельского хозяйства, торговли, промышленности и строительства. Свое материальное положение респонденты оценили как: хорошее – 29,7 %, среднее – 60,4 %, плохое – 7,8 %.

Анализ взаимосвязей уровня дохода и социально-культурных параметров показал, что больше всего покупают книги и занимаются формированием домашних библиотек люди со средним достатком. Респонденты с низким достатком больше, чем другие читают книги в Интернете.

В группе высокообеспеченных доминирует следующее отношение к чтению: «по

необходимости (когда нужно)» и в равной степени – «люблю читать» и «читаю, когда есть свободное время». У людей со средним достатком рейтинг отношения иной: люблю читать, читаю по необходимости, читаю, когда есть свободное время. Только в этой группе есть те, кто признался в том, что не любит читать и считает чтение пустой тратой времени. Среди малообеспеченных на первом месте оказалась позиция – «читаю, когда есть свободное время» (40 % от группы), далее – «люблю читать» (27 %), и только потом чтение по необходимости. Это единственная группа, где чтение расценивается как фактор престижности – «читаю, чтобы не быть хуже других».

Обеспеченные к популярным вариантам чтения в равной степени относят чтение и бумажных (46 %), и электронных книг (с компьютера и букридера) (46 %), а также они единственные, кто отметил аудиокниги. Среднеобеспеченные больше тяготеют к бумажным книгам, далее выделено чтение с экрана компьютера и с мобильного телефона. Эта группа в большей степени, чем другие считает, что чтение сейчас вообще не популярно. Но они больше других уверены в том, что современному человеку надо много читать (74 %).

Отметим, что чтение с экрана мобильного телефона обеспеченные не выделили как популярное. Такие представления в равной степени присущи только средне- и малообеспеченным. В то же время обеспеченные единственные отметили чтение редких антикварных изданий.

Малообеспеченные больше относятся к традиционалистам – безоговорочно выделяют чтение бумажных книг и более других уверены, что современному человеку важно читать художественную литературу. В этой же группе больше, чем в других и тех, кто считает, что современному человеку не стоит тратить время на чтение (14 % группы).

Интернет как способ общения в социальных сетях в равной степени используют обеспеченные и малообеспеченные (по 66 % от каждой группы), а вот респонденты со средним уровнем достатка больше других используют электронную почту. По скайпу больше всего общаются малообеспеченные, а скачивают электронные книги и журналы – больше обеспеченные. Компьютерными иг-

рами и скачиванием фильмов и музыки больше увлечены представители среднего уровня достатка. Свои фото, видеоролики выкладывают в Интернет больше обеспеченные.

Интернетом обеспеченные пользуются со своих домашних компьютеров или мобильного телефона, часть также с рабочих компьютеров, люди со средним достатком – в меньшей степени с домашнего компьютера, мобильного или на работе, учащиеся, попавшие в эту категорию, указали, что пользуются Интернетом по месту учебы. Малообеспеченные больше, чем другие используют возможности выхода в Интернет на работе и дома у друзей.

Относительно предпочтений телепрограмм обеспеченные предпочитают больше других групп смотреть информационно-аналитические и спортивные программы. Люди со средним достатком – научно-популярные и молодежные, малообеспеченные – на общественно-политические темы и образовательные. И все группы в равной мере смотрят кинофильмы и ток-шоу.

Предпочтения относительно периодики: у обеспеченных – газеты и журналы молодежной тематики, отраслевые научные журналы и престижные «глянцевые» издания; среднеобеспеченные – журналы молодежной тематики, научно-популярные и рекламные издания; малообеспеченные – общественно-политические, про дом, быт, садоводство, кулинарию и развлекательные.

Относительно наличия дома книг две наиболее обеспеченных группы продемонстрировали одинаковую модель поведения. Они предпочитают примерно в равной степени или иметь книги дома, или брать во временное пользование (по 43–48 %), около 6 % в каждой из групп предпочитают покупать, читать и отдавать и 3,5 % – отдавать те, которые не понравились, не нужны. Группа малообеспеченных отличается по поведению – примерно 2/3 предпочитают иметь книги в собственности, дома и чуть более 1/3 брать во временное пользование. Просто отдавать книги знакомым или в библиотеку для них не характерно.

Авторитетами при выборе книг обеспеченные чаще других называют советы преподавателей, книжные выставки в библиотеках, литературные передачи и мнение литературных критиков.

Для среднеобеспеченных в большей степени, чем для других важны советы братьев и сестер, родственников, советы библиотекарей.

В группе малообеспеченных больше, чем в других прислушиваются к советам друзей и родителей, информации в газетах и журналах, рейтингам продаж, форумам и блогам в Интернете. Больше в этой группе и тех, кто самостоятелен и сам без подсказок выбирает книги.

Относительно доверия к информации – среди обеспеченных больший процент, чем в других группах доверяет печатной периодике и Интернету. Среди людей со средним достатком больший процент считает, что всю информацию надо критически оценивать, или доверяет личности автора или сайту. Малообеспеченные больше, чем другие доверяют печатным книгам или и печатным, и электронным источникам, среди них больше и тех, кто просто не доверяет никакой информации.

Для обеспеченных вне всякого сомнения знание книг и авторов является важным признаком интеллектуального и духовного развития (58 %), а вот респонденты со средним достатком больше, чем другие высказали отрицательное мнение по этому поводу (37,4 % от группы). Малообеспеченные более других затруднились определить свою позицию по этому поводу (35,7 %).

На различия в читательских предпочтениях и отношении к чтению в разных слоях, по мнению обеспеченных, больше влияют образ жизни, сфера профессиональной деятельности, мнение авторитетных в этом слое лиц, литературные критики и издатели. Люди со средним достатком выделили как значимые факторы общее интеллектуальное развитие человека, его уровень образования, мнение политиков. Малообеспеченные считают наиболее существенными факторами уровень образования и материальное положение, а также влияние писателей, журналистов, деятелей культуры, активных читателей.

Анализ информационно-культурных параметров в зависимости от уровня образования показал, что явные различия наблюдаются в пользовании книжными магазинами – ими пользуются люди с высшим образованием – более 70 % группы. Относительно наличия домашней библиотеки и чтения книг в

Интернете различий в зависимости от образования нет.

Любителей чтения больше среди лиц с высшим и неоконченным высшим образованием, а тех, кто читает вынужденно – со средним и неоконченным средним. Они же не любят читать и считают чтение пустой тратой времени и непопулярным занятием. Читают, чтобы не быть хуже других, только лица со средним профессиональным образованием.

Цели использования Интернета также частично коррелируют с образованием. Так, электронной почтой больше всего пользуются люди с высшим и неоконченным высшим образованием, а в социальных сетях 90 % лиц с неоконченным средним образованием. В компьютерные игры играют респонденты с неоконченным средним и средним специальным образованием. Свои тексты, фото, видео выкладывают только люди с высшим образованием. Чтение электронных книг менее всего присуще людям со средним специальным образованием. То, что на различия в читательских предпочтениях влияет уровень образования, указали в основном люди, сами имеющие высшее образование. Образ жизни как фактор влияния больше выделяют лица со средним профессиональным образованием. Среди лиц, оказывающих влияние, респонденты с неоконченным средним образованием выделили журналистов и активных читателей; со средним образованием – деятелей культуры и то, что никто не влияет; издателей выделили лица со средним специальным образованием.

Таким образом, между образовательным и информационно-культурным статусами наблюдается большая согласованность, и в этом аспекте можно сделать вывод о наличии статусной консистентности.

Как показало исследование, однозначные прямые корреляции между показателями социальной и информационно-культурной стратификации отсутствуют. Наблюдается, наоборот, обратная зависимость – люди с низким уровнем доходов больше стремятся приобщиться к читательской культуре, являются более активными читателями и потребителями информационных ресурсов, чем наиболее обеспеченные слои.

В этих условиях стратификационная стратегия государства может быть направле-

на на поддержку и развитие социально доступных информационных центров для сохранения стартовых возможностей и обеспечения доступа малообеспеченных слоев к информационным ресурсам в традиционной и электронной форме.

Для передачи образцов читательской и информационной культуры между различными слоями необходимо выбирать различные каналы в зависимости от социального статуса группы по уровню материальной обеспеченности и образованию. Так, для наиболее обеспеченных лиц это может быть воздействие через профессионалов: преподавателей, литературных критиков и авторитетных в этом слое лиц, выставочную деятельность библиотек. Для среднеобеспеченных слоев и людей со средним специальным образованием каналами воздействия могут стать общение с библиотекарями, влияние родственников, мнение издателей и издательская реклама. Для малообеспеченных наиболее авторитетно мнение друзей и родителей, информация в СМИ и Интернете, но необходимо помнить, что это группа, которая более других пытается быть независимой при выборе книг и, следовательно, не будет терпеть прямой назидательности.

Анализ качественных аспектов информационно-культурной стратификации позволяет нам сделать вывод о том, что она представляет собой сложную систему взаимодействующих и взаимопересекающихся уровней, способную трансформировать социальные ценности, ориентации и поведение базовых социальных групп общества за счет «дрейфа» соответствующих образцов с одного уровня на другой.

Объективная сторона информационно-культурной стратификации связана с проблемой доступа к различным информационным ресурсам, их объемами и открытостью для различных групп. В этом плане исследователи в последнее время все активнее используют понятия «информационной бедности» и «информационного богатства», «интеллектуальной монополии на информационный ресурс» [3; 7].

Здесь регулирующая роль государственной системы выражается в формировании информационной политики, связанной со свободой слова и распространения информации, книгоиздания и книгораспространения,

наличием или отсутствием форм цензуры, в т. ч. и в Интернете.

Например, способом косвенного ограничения доступности печатной информации выступает система госзаказа, тиражная политика, государственное финансирование публикаций отдельных изданий, варьирование ценовой политики на книжную продукцию, сворачивание или поддержка книжной торговли. Прямое регулирование и ограничение доступности информации осуществляется через различные формы цензуры, опосредованные конкретной социально-политической ситуацией и типом политического строя.

Таким образом, наше исследование позволяет сделать вывод о том, что стратификационные стратегии государства направлены на сохранение определенного баланса информационно-культурных страт, не нарушающего стабильности общественной системы. Формы регулирования носят как прямой разрешительно-запретительный характер, например, доступность тех или иных текстов в социальном банке или прямое социальное стигмирование через систему идеологического воздействия, книжной рекламы, так и косвенный, опосредованный – например, система престижных групповых установок, регламентирующая границы избыточной или недостаточной активности и качества информационно-читательской деятельности.

Подобная система сдерживания формируется и действует в любой общественной системе, причем для самоорганизации жизни социума в целом достаточным было бы наличие стихийно возникающих регулирующих форм. Но потенциальная угроза государственности предопределяет оформление со стороны государства управленческих воздействий на эти формы, укрепляющих защитные механизмы его самосохранения. Такие управленческие воздействия имеют многоуровневую структуру и складываются в регулирующую государственную систему. Динамика развития этой системы носит волнообразный характер: интенсивность как стимулирующих, так и репрессивных воздействий возрастает в периоды смены политической власти, ценностно-нормативной аномии и снижается в периоды стабильного социально-политического развития.

1. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1996.
2. Романова Н.П. Феномен статусной неконсистентности // Вестник Читинского государственного университета. 2009. № 4. С. 212-217.
3. Пронина Л.А. Проблема стратификации в условиях информационного общества // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2012. Вып. 11 (115). С. 276-280.
4. Стефановская Н.А., Жуликова О.В. Информационно-культурная стратификация: теоретический аспект // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2012. Вып. 12 (116). С. 367-373.
5. Гудков Л., Дубин Б., Страда В. Литература и общество: введение в социологию литературы. М., 1998.
6. Стефановская Н.А. Феномен «рейтер-чтения» в современной культуре // Homo legens в прошлом и настоящем: материалы 2 Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Тагил, 2009. С. 173-177.
7. Атабиева З.А. Параметры социальных изменений в обществе в условиях глобализации // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 9. С. 147-152.

1. Radaev V.V., Shkaratan O.I. Sotsial'naya stratifikatsiya. M., 1996.
2. Romanova N.P. Fenomen statusnoy nekon-sistentnosti // Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 4. S. 212-217.
3. Pronina L.A. Problema stratifikatsii v usloviyakh informatsionnogo obshchestva // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2012. Vyp. 11 (115). S. 276-280.
4. Stefanovskaya N.A., Zhulikova O.V. Informatsionno-kul'turnaya stratifikatsiya: teoreticheskiy aspekt // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2012. Vyp. 12 (116). S. 367-373.
5. Gudkov L., Dubin B., Strada V. Literatura i obshchestvo: vvedenie v sotsiologiyu literatury. M., 1998.
6. Stefanovskaya N.A. Fenomen "reyter-chteniya" v sovremennoy kul'ture // Homo legens v proshlom i nastoyashchem: materialy 2 Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Nizhniy Tagil, 2009. S. 173-177.
7. Atabieva Z.A. Parametry sotsial'nykh izmeneniy v obshchestve v usloviyakh globalizatsii // Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy. 2010. № 9. S. 147-152.

Поступила в редакцию 8.04.2015 г.

UDC 316.342:008

INFORMATIONAL AND CULTURAL STRATIFICATION: SOCIAL-POLITICAL ASPECT

Nataliya Aleksandrovna STEFANOVSKAYA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of Library and Information Resources Department, e-mail: steflib@tsutmb.ru

The relevance of the research is connected with the need to explore new models of stratification, which appeared in the information society. The purpose of the study is to identify the mechanisms of influence of the state on the formation of a system of information and cultural stratification. Research methods are – analysis of publications, a survey of the population of the Tambov region. The importance of information and cultural stratification and two of its criterion – access to information resources and the quality of their use are founded. The basic mechanisms used by the state in the formation of the information-stratification factors are described. They include the introduction of standards of information and reading activities, the development of a range of recommended reading, libraries, censorship, state order for publication. According to the results of a poll of the population of the Tambov region strata are selected: Internet communicators, Internet readers, cultural and technological traditionalists, cultural-information isolationists. The parameters of their information behavior are described, the correlation characteristics of information behavior with the level of education and income is justified. It was concluded that state stratification strategy is aimed at maintaining a balance of informational and cultural layers that support the stability of the social system.

Key words: social stratification; information and cultural stratification; criteria of stratification; the role of the state.